

**СМЕШНЫЕ
ДЕТЕКТИВЫ**

В компании с ироническими детективами
ЕЛЕНА ЛОГУНОВА
всегда весело!

Джип из тыквы
Закон вселенской подлости
Синяя курица счастья
Брачный вопрос ребром

**Читайте о похождениях тележурналистки Елены
и ее боевой подруги Ирки,
способной справиться с любым злодеем:**

Принц в неглиже
Везет как рыжей!
Конкурс киллеров
Кляча в белых тапочках
Секретная миссия Пиковой дамы
Звезда курятника
Снегурка быстрой заморозки
Коктейль из развесистой клюквы
Красота спасет мыр
Кукиш с икоркой
Брак со стихийным бедствием
Любовные игры по Интернету
Стрела гламура
Афродита размера XXL
Шопинг с Санта-Клаусом
Последний путь под венец
Наследница Шахерезады
Боты для ночного эльфа

**Наслаждайтесь приключениями
потомственной авантюристки Индии Кузнецовой:**

Суперклей для разбитого сердца
Дефиле озорных толстушек
Шоу секс-символов
Молилась ли ты на ночь?
Банда отпетых дизайнеров
Статуя сексуальной свободы
Спокойно, Маша, я Дубровский!
Руссо туристо, облик морале
На сеновал с Зевсом
Рука и сердце Кинг-Конга
Декамерон по-русски
Ванна с шампанским
Кактус Нострадамуса
Свидание на пороховой бочке

**Непринужденно и весело
решайте детективные головоломки вместе
с Тяпой Ивановой:**

Хижина тети Тома
Круговорот парней в природе
Напиток мексиканских богов
12 невест миллионера

**Распутывайте хитроумные загадки
с отважной учительницей Олей Романчиковой:**

Фотосессия в жанре ню
Бонд, мисс Бонд!
В костюме голой королевы

Елена Логунова

Брачный
вопрос
ребром

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л69

Оформление серии *Д. Сазонова*

В оформлении обложки использована работа
художника *В. Остапенко*

Логунова, Елена Ивановна.

Л69 **Брачный вопрос ребром / Елена Логунова. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Смешные детективы).**

ISBN 978-5-04-097758-1

Журналистке Люсе Суворовой повезло — ее отправили в заграничный пресс-тур. Но когда Люсю едва не убили, а потом еще и обвинили в краже скифского золота, она поняла, что удача от нее отвернулась. Девушка решила, что лучше всего будет на время залечь на дно, и укрылась в старом домике прабабушки. Только спрятаться от всех не получилось — незваные гости один за другим пытаются пробраться на территорию родового имения. Но сдаваться так просто Люся не намерена, ведь для обороны у нее есть все необходимое: стеклянная банка, авоська, пузырек зеленки и даже голливудская суперзвезда!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Логунова Е.И., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-097758-1

У кого-то в начале было слово, а у меня — шляпа. Знала я ее недолго и ничего плохого сказать о ней не могу, да и не говорят плохое об ушедших из мира вещного в мир вечный.

Мы встретились в магазине с претенциозным названием «Мир пальто», и я влюбилась в нее с первого взгляда. В царстве верхней одежды у головных уборов был свой маленький уголок, они теснились в нем и выглядели довольно жалко — как свободолюбивые индейцы в резервации. И только эта шляпа всем своим видом давала понять, что ее дух не сломлен, убеждения крепки, а внутренний мир непременно должен быть богат, что могла обеспечить далеко не каждая голова. Очевидно, именно поэтому прекрасную шляпу до сих пор не купили, хотя она продавалась уже с хорошей скидкой.

Я поняла, что мы созданы друг для друга, и назвала ее Мой Гордый Чингачгук.

Уже на следующий день мы с Чингачгуком вышли на тропу войны. В шляпе и подходящем к ней пальто вид у меня был сокрушительно элегантный, и Петрик, заботливо поправив мне шарфик, уверенно напороочил:

— Сегодня в твою жизнь наконец войдет идеальный мужчина!

— А ты тогда куда денешься? — хмыкнула я, не спеша уверовать в предсказание.

Во-первых, Петрик далеко не Нострадамус. Во-вторых, его представление об идеальном мужчине существенно отличается от моего. И слава богу, если честно, потому что в противном случае мы бы отбивали друг у друга кавалеров, а это не способствует крепкой дружбе.

Мне бы не хотелось потерять Петрика. Он добрый, чуткий, понимающий и тоже не обрезает кутикулы и предпочитает вульгарной алой эмали бесцветный лак. А еще он готовит бесподобные запеканки, пьет только красное сухое, не курит и вовремя вносит свою половину платы за квартиру, которую мы снимаем на двоих. В общем, Петрик мне как младший брат, старшая сестра и лучшая подруга — три в одном.

— Я никогда тебя не оставлю, моя бусинка! — пообещал Петрик и чмокнул губами воздух, не имея возможности подарить мне братско-сестринский поцелуй в лоб, уже прикрытый гордой шляпой.

Бодро цокая по ступенькам каблуками, я вышла во двор и скривилась.

На календаре было двадцать первое апреля, на дворе — восьмидесятое февраля.

Снег, правда, давно сошел, но ночью снова ударил мороз, и замерзшая земля под каблуками звенела, как колокольчики оленей Санта-Клауса. Желтые глазки цветочков, отважно пробившихся сквозь корку прошлогодних листьев, таранились в небо откровенно шокированно. Вместо ожидаемых пчел в воздухе мощно гудел вопрос: «Доколе?!» Лютикам, как и мне, страстно хотелось, чтобы весна уже отправилась

ла зиму по этапу на Колыму — или куда там уходят осужденные обществом метели и морозы.

Я представила себе это в лицах:

— Ты вообще в курсе, что уже двадцать первое апреля? — сквозь зубы спрашивает Зиму Весна, наскоро сооружая высокий начес почкам на вербе.

— Да иди ты! — неуверенно отзывается Зима, стряхивая иней с ресниц и озираясь. — А где же тогда все это — распахнутые окна, реклама кондиционеров и женщины, на бегу переобучающиеся из валенок в босоножки?

— Ша все будет, ты только подвинься! — И Весна щедро брызгает лаком на лютики.

С другой стороны, в наших краях стоит только весне скомандовать столбику термометра «Подъем!», как он рвется ввысь, точно истребитель вертикального взлета. «Поднимается медленно в гору» — это не про него, а мне не хотелось слишком скоро отправить прекрасную новую шляпу пережить теплое время года на темной полке в шкафу.

Эта шикарная шляпа была первой в моей жизни. До сих пор моя голова имела дело исключительно с функциональными уборами — младенческими чепчиками, трикотажными колпачками, панамками, вязаными изделиями с помпонами и без оных, бейсболками, резиновыми шапочками для бассейна, разнообразными банданами и одной меховой ушанкой, о которой я вспоминаю с сожалением и стыдом, потому что по моей вине ее съела моль.

Шевелюра у меня не особо густая, и прежде я предпочитала ходить простоволосой в любую погоду, чтобы не портить прическу. Ныне же я поняла, что предыдущая жизнь не подготовила меня к ноше-

нию шляпы. Как только дунул ветер, стало ясно, что мы можем внезапно расстаться! Уж не знаю, о чем думали производители шляпы, не предусмотревшие ни завязок, ни резиночки под подбородком!

— Мне как держать тебя? Ушами изнутри?! — неласково гаркнула я на Чингачгука, орлом воспаряющего над моей макушкой.

Реакция у меня хорошая. На короткой дистанции через двор непокорная шляпа трижды пыталась взлететь, но всякий раз я вовремя останавливала ее, бесцеремонно шлепая себя ладонью по голове. Должно быть, это сказалось на моих умственных способностях, иначе я сообразила бы, что за пределами двора-коробки ветер будет сильнее, и загодя ухватила бы Чингачгука за поля двумя руками.

Сначала мне везло. Я вышла на улицу и под прикрытием сплошной стены голубых елочек благополучно добралась до светофора. Но когда я чинно благородно на зеленый перешла на другую сторону улицы, мой Чингачгук решил, что все, зов прерий более игнорировать невозможно. И взмыл стремительно и неудержимо, презрев мой горестный вопль.

И что бы там о себе ни думал мой блудный Чингачгук, определенно выяснилось, что летные характеристики фетровой шляпы гибридной модели «стетсон-канотье» не слишком впечатляющи. Стильная серая шляпа, похожая на радиоуправляемую модель летающей тарелки, взлетела на пару метров вверх, а потом стремительно понеслась наперерез дорожному движению, быстро теряя высоту.

Я малодушно зажмурилась, но поспешно открыла глаза, услышав скрежет тормозов и характерный звук удара.

Холеный «БМВ» въехал в потрепанную «Ладу Гранту». Любимое дитя немецкого автопрома вполне в духе соплеменного порно страстно «поцеловало» одну из скромных дочерей АвтоВАЗа в зад, и третьим лишним где-то под состыковавшимися металлическими телами полегла моя шляпа.

— На ней не написано, что она твоя, — быстро подсказал мне здравый смысл. — Руки в ноги, двигай отсюда!

Поздно. Ошеломленная потерей шляпы и приобретением моральной ответственности за ДТП, я сусликом застыла на тротуаре, и злой мужик, вывалившийся из поруганной «Лады», мгновенно осудил меня как основную виновницу случившегося.

Ну да, кроме меня в эпицентре драмы находились только толстая бабка с авоськой, школьник с рюкзаком и молодая мамаша с коляской, до краев заполненной чем-то розовым, атласным, в бантах. Никому из этих персонажей, включая младенца, злосчастная шляпа не подходила по стилю, тогда как с моим пальто она сочеталась идеально. Я бы даже загордилась (какой у меня безупречный вкус, а?!), если бы мужик из «Лады» не попытался вызвать у меня совсем другое чувство.

— Ты! — пригвоздив меня взглядом к тротуару, проорал он и на выдохе добавил непечатное. — Да я ж тебя!

— Ты! — с аналогичной интонацией взвыл, выскочив из «бэхи», второй участник ДТП.

Водитель «Лады» отвернулся от меня, и мужики, зловеще цыкая зубами, пошли на сближение.

Я медленно попятилась, задела плечом старуху, закаменевшую — вся внимание! — на манер поло-

вещкой статуи, услышала в свой адрес классическое «Ходют тут всякие», машинально пробормотала извинение, повернулась и ускорила.

В десяти метрах впереди был продовольственный магазин, в котором, я точно знала, есть выход на другую сторону здания...

— Одну минуточку, мадам, — без тени кокетства произнес мужской голос, в других обстоятельствах бывший бы вполне приятным.

Одновременно меня твердо взяли под локоток.

— Между прочим, мадемуазель! — пискнула я, стырив реплику у фрекен Бок из мультфильма про Карлсона.

— Тем хуже, — сказал мой пленитель.

— В смысле? — Я перестала вырываться. — Это угроза или обещание?

— В смысле? — повторил мужик, тоже замирая.

А ничего так мужик — высокий, спортивный, красивый. Не такой красивый, как Петрик — тон лица не идеальный, брови не по лекалу, некогда римский нос чуть свернут на сторону, как у legionera-ветерана, а в целом очень ничего. И стрижка хорошая, и костюм дорогой, и парфюм лишь едва ощутим...

— А что это вы на меня так смотрите? — «Легионер» чуть оробел и выпустил мою руку.

— А что это вы на меня так напали?

— Я на вас напал?! Это ваша шляпа на нас напала!

— Во-первых, где на этой шляпе написано, что она моя? — Я уперла руки в бока.

В крепости занятой позиции можно было не сомневаться. Ярлычки с аккуратно выведенным именем бабуля вшивала в мои одежды только в детском саду.

— Во-вторых, вы сами слышите, какую чушь несете? «На нас напала шляпа!» Кто же вам поверит, что шляпы столь агрессивны и притом поддаются дрессировке!

— А вы наглая! — восхитился мужик.

— Ой, а это что?! — Я демонстративно засмотрелась ему за спину.

Ничего особенного там не происходило, водители выясняли отношения вяло, без мордобоя, но простодушный «легионер» купился и обернулся к дороге, отвернувшись от меня.

Я мгновенно сорвалась с места и уже через пять секунд оказалась на параллельной улице, вихрем просквозив через знакомый магазинчик.

Погибшую шляпу было жаль, но забирать ее останки я не собиралась, чтобы меня не сделали виноватой в случившемся. В конце концов, водители транспортных средств должны быть готовы к такого рода бытовым происшествиям. Подумаешь, шляпу им ветром принесло! А могла кошка выскочить, ветка упасть, метеорит рухнуть...

— Короче, если что, ты чиста, — сказал мой здравый смысл моей же совести.

— О'кей, тогда спокойно сплю дальше, — сговорчиво согласилась совесть и ушла из воображаемого чата.

Увы, происшествие с шляпой не прошло бесследно: на работу я опоздала, потому что с параллельной улицы к трамваю пришлось бежать по кривой, и это меня задержало.

В другой день незначительное опоздание могло бы остаться незамеченным, но сегодня был традиционно тяжелый понедельник, дополнительно ос-

ложненный утренней планеркой. По понедельникам планерка у нас Большая — с участием самого Левиафана.

Левиафан — это Федор Левин, основатель и собственник нашего медиахолдинга. Так сказать, владелец заводов, газет, пароходов, в смысле, яхт, а также разветвленного бизнеса, который мы тайно и явно рекламируем в своих изданиях. В общем, Левин — могучая акула капитализма, гигант мысли и просто толстяк. Свое прозвище он не любит, считая его прямым намеком на физические данные, отчасти именно поэтому в кулуарах редакции его называют только так. Журналисты — ребята вредные, я знаю, сама такая.

В коридорах редакции было пусто. На ходу снимая пальто, я рысью проскакала к залу для совещаний, в просторечье — парилке. Дежурящая в предбаннике секретарша Маша укоризненно поклацала акриловым ногтем по циферблату наручных часов. Я в ответ состроила выразительную, но малоинформативную гримасу, швырнула Маше свое пальто, одернула пиджачок и виртуозно просочилась в щелочку приоткрытой двери, надеясь, что явление меня народу останется незамеченным.

Как же!

Строго мордой к двери сидел Вадик — редактор журнала «Горящий тур» и мой бывший. Уверена, расположился он таким образом именно для того, чтобы своевременно засечь мое появление, привлечь к нему внимание общественности и подставить меня перед высоким и толстым начальством.

— А вот и немцы пришли! — Вадик дурашливо изобразил испуг и с понятным намеком прикрыл

руками свою кофейную чашку. — Сейчас начнется: млеко, курка, яйцо!

Шутка была не только неуместная, но и не смешная, но Вадик не отличается остроумием. Его сильные стороны — педантизм и занудство. Я сбежала от него после двух недель совместного проживания, потому что меня достали придирки и претензии по поводу плохо вымытой посуды и неаккуратно отглаженных сорочек. Хотя я нормально мою посуду, а на сорочках не могла отутюжить до фарфоровой гладкости только труднодоступные местечки между пуговками!

Забавно, что именно благодаря последней проблеме я подружилась с Петриком, с которым и съехалась, уйдя от Вадика. У Петрика, который в нашем холдинге работает дизайнером на фрилансе, планки на рубашках всегда были ровные, как пластмассовые линейки. Однажды я не выдержала и спросила, в чем секрет? Оказалось, что Петрик доводит до кондиции труднодоступные участки между пуговицами с помощью утюжка для волос. «Ты гений!» — сказала Петрику благодарная я. «Ты моя бусинка!» — ответил мне польщенный он. Мы пошли пить кофе с пирожными, в процессе изучения меню обнаружили поразительное родство душ, быстро подружились и очень скоро решили жить вместе. А черствый тупица с завышенной самооценкой (это Вадик) решил, что корыстная стерва (это я) пренебрегла сожителем с «двушкой» в старой хрущевке только потому, что прельстилась новой квартирой в элитном микрорайоне «Бавария». И вот теперь он не упускает случая позвонить на эту тему.

— Люся, опаздываешь. — Наша директриса Марет Игоревна, она же Тигровна, строго блеснула в мою сторону очками.

— Где же хваленая немецкая пунктуальность? — вставил свой шиллинг вредный Вадик.

— Айне майне кляйне шляпа через штрассе полетел, — с самым серьезным видом ответила я, надеясь, что это сойдет за объяснение на немецком.

А что? Между прочим, чистую правду сказала.

Левиафан, величественно дремавший в начальственном кресле на манер дирижабля на приколе, чуть повернул голову, приоткрыл глаза, и наши взгляды встретились.

— Гутен морген, — вежливо пролепетала я, чудом не выпав из образа.

— Кстати, о пиратах! Какая разбойничья морда утащила лишнюю пачку бумаги? Айтишникам не хватило, и они жалуется! — пуще прежнего построжала Тигровна.

Никто, разумеется, не признался. Бумага для принтеров у нас в офисе самый востребованный ресурс, и ни один из отделов, кроме разве что упомянутых айтишников, не в состоянии удержаться в рамках выделяемой квоты. Поэтому стырить у ближнего своего пачку-другую бумаги — не преступление, а жизненная необходимость.

— Марет Игоревна, почему это кстати? — поправив очки, несколько взвинченно поинтересовался Василий Михайлович — начальник отдела транспорта. — Мы как раз обсуждали важнейший вопрос логистики наших изданий...

— Потому что она сказала «Морган»! — коротко объяснила Тигровна, совершив в мою сторону выпад шариковой ручкой. — А Морган — это пират!

Все снова затихли, переваривая начальственную мудрость.

Я изобразила глубочайшее внимание, прикрыла глаза и зависла, как тот Левиафан, мысленно покидая парилку. Плавали, знаем эту стадию: все действительно важные участники высокого собрания уже обсудили и теперь будут маяться ерундой, вяло цапаясь и обсасывая несущественные детали, чтобы потянуть время и обеспечить Большой Планерке соответствующий хронометраж. А то, может, Левиафан настроился как следует выспаться в удобном кресле, а коллектив легкомысленных торопыг его подведет!

Однако Биг Босс, как ни странно, не спал. Совершенно неожиданно он всколыхнулся, скрипнув креслом, и изрек:

— Да, кстати!

Тут все окаменели, как в знаменитой немой сцене гоголевского «Ревизора». Левиафан крайне редко подает голос на планерках, предпочитая глубокомысленно помалкивать и что-то там мотать на свой китовый ус, так что народ приготовился внимать божественному откровению.

— Завтра в пресс-тур.

Дзинь! Дзинь! Дзинь! Я явственно услышала, как на паркетный пол посыпались осколки сонного оцепенения. Народ воспрянул и обнадежился: пресс-тур — это лучший вариант рабочей командировки!

Хотя Катю Мальцеву из «Налогового вестника» однажды отправили в пресс-тур по исправительным колониям, где сидят осужденные за экономические преступления, и ей не очень понравилось. О чем она явно не забыла, потому что бдительно спросила:

— Куда?

Левиафан не ответил, лишь покосился на Тигровну.